

Литературный факт.
2020. № 3 (17)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 3 (17), 2020

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-203-236>

This is an open access article distributed under the
Creative Commons Attribution 4.0 International
(CC BY 4.0)

Addenda ad volumen: Из «неизданного» выпуска журнала «Гермес»*

© 2020, А. Устинов

Издательство «Аквилон»,
Сан-Франциско, США

Аннотация: Настоящая работа дополняет публикации, посвященные истории московского машинописного журнала «Гермес», издававшегося в 1922-23 гг. группой поэтов-филологов под редакцией Максима Кенигсберга. Первые три выпуска журнала были отпечатаны, сброшюрованы и «изданы» в 12 экземплярах каждый. Внезапная смерть Кенигсберга 30 июня 1924 г. привела к прекращению «Гермеса». Несмотря на то, что его вдова Нина Волькенау приняла на себя редактирование журнала, последний четвертый выпуск «Гермеса» остался неизданным и сохранился в одном экземпляре. В настоящей работе публикуются материалы из этого «неизданного» выпуска, посвященные Михаилу Кузмину (и дополняющие статью Г.А. Левинтона и автора «Материалы о Кузмине в журнале „Гермес“») и Николаю Гумилеву (и дополняющие статью К.М. Поливанова «Из истории литературной жизни 1920-х гг.: По поводу одной рецензии»). Параллельно приводятся сведения, имеющие отношение к литературному быту Москвы 1920-х годов.

Ключевые слова: журнал «Гермес»; Московский лингвистический кружок; история критики и периодической печати; М. Кузмин; Н. Гумилев; П. Муратов; литературный быт; московская литературная жизнь 1920-х годов.

Информация об авторе: Андрей Устинов — доктор филологических наук, главный редактор, издательство «Аквилон», Сан-Франциско, США. E-mail: abooks@gmail.com

Для цитирования: Устинов А. Addenda ad volumen: Из «неизданного» выпуска журнала «Гермес» // Литературный факт. 2020. № 3 (17). С. 203–236. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-203-236>

* Автор выражает искреннюю признательность за щедрую помощь Татьяне Нешумовой, а также Игорю Люцилову и Игорю Пильщикovu за консультации.

Можно себе представить, как был поражен Гфм, когда, взглянув по своему обыкновению на подпись, увидел имя Шнюспельпольда.

Эрнст-Теодор-Амадей Гофман

Не отраженье жизни, но вторая
Жизнь восстаёт из устной скорлупы.

Томас Венцлова

I. Кузмин в журнале «Гермес»: дополнения к публикациям

Памяти Лоры Степановой

1. О стихотворении «Турин»

В своих воспоминаниях о встречах и общении с Михаилом Кузминым Борис Горнунг в том числе привел два его стихотворения — «Зеркальным золотом вращаясь...» и «Эфесские строки». Второе сопровождалось примечанием: «Стихотворение (возможно, никогда не опубликованное), присланное М.А. Кузминым для альманаха “Мнемозина”» [13, с. 182]. В этом машинописном «альманахе поэзии и критики», составленном Горнунгом и Александром Роммом в 1924 г., оно было напечатано на странице 16 [20, с. 48]. В 1988 г. «Эфесские строки» были опубликованы Н.А. Богомоловым [14, с. 77–78] и включены в подготовленный им для «Новой библиотеки поэта» том Кузмина. В примечании к стихотворению составитель заметил, что между версиями стихотворения, напечатанными в «Мнемозине» и в приложении к воспоминаниям Горнунга, «разночтений нет» [6, с. 786].

Иной комментарий сопровождал в этом собрании стихотворение «Зеркальным золотом вращаясь...», которое в авторском списке произведений начала 1920-х гг., как любезно сообщил нам А.Г. Тимофеев, было обозначено под заглавием «Турин» [13, с. 184]. Горнунг считал, что Кузмин включил это стихотворение в сборник «Параболы», выпущенный на исходе 1922 г. издательством «Petropolis» в Германии и практически недоступный в Советской России¹.

¹ См. примечания Н. Богомолова: [6, с. 753–754].

Согласно его воспоминаниям, Горнунг получил рукопись «Турина» от самого поэта во время своего пребывания в Петрограде в августе 1923 г.:

Тематикой наших разговоров с М.А. Кузминым у него дома было обсуждение журнала «Гермес» и моих стихотворений, не вошедших в него, которые М.А. беспощадно разругал. Общую же платформу «Гермеса» он полностью одобрил, в частности, считая, что позиции «неоклассицизма» и «акмеизма» вполне совместимы с высокой оценкой Иенского (но не позднейшего) романтизма. <...> Он читал также свои стихи из сборника «Параболы», только что вышедшего тогда в Берлине (у самого М.А. был только один экземпляр). Одно стихотворение оттуда он дал в № 4 нашего «Гермеса», собственноручно переписав его (автограф хранится у меня).

Вот это необычное для Кузмина (хотя м. б. и близкое в чем-то уже «гностическим» стихам в «Нездешних вечерах») <стихотворение>. (Мы включили его в № 4 «Гермеса», хотя дух его был нам довольно чужд)... [13, с. 175–176].

4 января 1924 г. Горнунг извещал Кузмина в недошедшем до адресата письме: «Полученное мною от Вас стихотворение помещено в № 4...» [2, с. 381]. Не имея возможности сверить переписанный Горнунгом текст «Турина» ни с автографом, ни с версией, представленной в четвертом «невыхедшем» выпуске «Гермеса», мы с М.О. Чудаковой решили опубликовать его в доступном на тот момент виде. Это решение нельзя было считать ошибочным, однако ошибок не избежал переписчик.

Вскоре после выхода материалов «Пятых Тыняновских чтений» стихотворение Кузмина было опубликовано Г.А. Моревым в «Литературном приложении» к парижской газете «Русская мысль» со следующим пояснением: «Автограф стихотворения сохранился в архиве Б.В. Горнунга и был передан в дар Музею Анны Ахматовой в Фонтанном Доме М.Б. Горнунгом. В настоящее время М.Б. Горнунг занимается разбором архива своего отца и, в частности, готовит к печати его воспоминания о Кузмине»².

Последнее утверждение было явно фигурой речи, поскольку не соответствовало действительности: Б. Горнунг записал свои воспоминания в тетрадь, которую его вдова, «выполняя эту волю покойно-

² Неопубликованное стихотворение Михаила Кузмина / публ. Г. М<орева> // Русская мысль. 1990. 2 ноября. № 3852. С. II. (Литературное приложение № 11. Посвящается Михаилу Кузмину).

го, передала» М.О. Чудаковой. «Это была светло-зеленая школьная тетрадка московской фирмы “Восход” с “законами пионеров Советского Союза” на задней обложке. На первом листе обложки крупно, “печатными” буквами, чуть дрожащим почерком было выведено имя автора и заголовок. Тетрадь пролежала в моем архиве 13 с лишним лет», — пояснила М. Чудакова в предисловии к публикации воспоминаний о Кузмине [13, с. 172].

Как оказалось, напечатанная в «Литературном приложении» версия «Турина» тоже была не без изъянов. «Сверка публикации с автографом показывает, что точнее сделана первая» [6, с. 786], — пояснил Н. Богомолов, имея в виду версию в воспоминаниях Горнунга. Его собственная публикация стихотворения в кузминском томе «Новой библиотеки поэта» была заново сделана по автографу [6, с. 654–655, 658]. Именно на нее следует полагаться при сравнении с тем, как выглядела самая первая печатная версия «Турина», когда это стихотворение было «набрано» Л. Горнунгом на пишущей машинке ЮОТ для четвертого «неизданного» номера «Гермеса» (стр. 54–55).

Зеркальным золотом вращаясь
в пересечении лучей,

(Лицо, лицо, лицо!..)

стоит за царскими вратами
невыносимый и ничей!

В осиной талии Сиама
искривленно качнулся Крит.

(Лицо, лицо, лицо!..)

В сети сферических сияний
неугасаемо горит.

Если закрыть лицо покрывалом плотным,
прожжется <шитье> тем же ликом.
Заточить в горницу без дверей и окон,
с вращающимся потолком и черным ладаном,
в тайную и страшную молельню, —
вылезет лицо наружу плесенью,
обугленным и священным знаком.
Со дна моря подыметя невиданной водорослью,
Из могилы прорастет анемонами,
лиловым, тайным огнем
замреет с бездонных болот.

Турин, Турин,
блаженный город,
в куске полотна
химическое богословие хранящий,
[хранящий,]
радуйся ныне и присно!

Турманом голубь: «Турин!» кричит,
потоком По-река посреди кипит,
солдатская стоянка окаменела на век,
я – город и стены, жив человек!
Из ризницы тесной хитон несу,
самого господа господом спасу!

Не потопишь,
не зароешь,
не запрешь,
не сожжешь,
не вырубшь,
не вымолишь
своего лица,
бедный царек,
как сам изрек!

В бездумные, легкие, птичьи дни, – выступало.
Когда воли смертельной загорались огни, – выступало.
Когда голы мы были, как осенние пни, – выступало.
Когда жалкая воля шептала «распни!», – выступало.

Отчалил золотой апрель
на чайных парусах чудесных, –
дух травяной, ветровый хмель,
расплавы янтарей небесных.
Ручьи рокочат веселей,
а сердце бьется и боится:
всё чище, девственной, белей
таинственная плащаница.

Открываю руки,
открываю сердце,
задерживаю дыханье,

глаза перемещаю в грудь,
 желанье в голову,
 способность двигаться в уши,
 слух – в ноги,
 пугаю небо,
 жду чуда,
 не дышу...
 Еще, еще...

Кровь запела густо и внятно:
 «Увидишь опять вещи пятна».

Апрель 1923 г.

2. Нина Волькенау о «Новом Гуле»

В публикации «Материалы о Кузмине в журнале “Гермес”» нам уже приходилось отмечать, что при сравнении работ Нины Волькенау (1901–1973?) с другими теоретическими выступлениями «гермесовцев», она «в некоторых своих взглядах отличается от остальных участников журнала: для нее классицизм представлен именами Мандельштама и Ахматовой, а Гумилев — главный мэтр для прочих авторов “Гермеса” — ни разу в ее статьях не назван» [10, с. 325]. Даже в докладе «Лирика Михаила Кузмина», прочитанном ею 4 декабря 1925 г. в ГАХН³, Гумилев фигурирует только как рецензент сборника «Сети»: «В “Сетях” Кузмин для современников “является рассказчиком только своей души, своеобразной, тонкой, но не сильной и слишком далеко ушедшей от тех вопросов, которые определяют творчество истинных мастеров”» (Н. Гумилев, газ. «Речь», 1908 г., № 121 от 11 мая) [15, с. 366].

Если О. Мандельштам и А. Ахматова выступают достойными примерами того «классицизма», который исповедовали авторы «Гермеса», то на роль «зачинателя» классицизма *in vicem* Гумилева Волькенау выбирает как раз Кузмина. Она недвусмысленно оглашает свою позицию уже в № 1 «Гермеса», рецензируя книгу Федора Сологуба «Свирель. Русские бержереты» (Пб., 1922):

³ «В настоящее время работаю над докл<адам> “О лирике Мих. Кузмина”, — сообщала Н. Волькенау в Curriculum vitae, поданном ею в тот же день в Литературную секцию ГАХН [10, с. 333]. К 1924 г. относится ее стихотворение «Ароматами умастила тело, / Грудь, что ты любил целовать, и плечи...», которому предпослан эпитафия из «Александрйских Песен» М. Кузмина. Стихотворение вошло в подборку, составленную Волькенау для машинописного альманаха «Мнемозина» (Москва, 1924, с. 43).

Кузмин первый возвестил наступление нового русского классицизма — и вот непрестанно ширятся его завоевания, и среди молодых поэтов и среди ветеранов поэзии-благовеста, поэзии символов и несказуемости, непрестанно обогащаются и разнообразятся классические школы, впитывая в себя и творчески возрождая разнообразнейшие классические *genre*'ы минувшего, ища и создавая свои. И вот мы, с удивлением читая имя Федора Сологуба на «Свирели», маленьком *chef-d'oeuvre*'е словесного ремесла, многое поймем и многому порадуемся, прочтя далее: 1921.

«Свирель» является блестящим примером той творческой стилизации, которая, проникшись вполне формой стилизуемого *genre*'а, его органическим своеобразием, умеет облечь эту форму новым живым и гибким материалом, умеет сделать живым для своего времени — бывшее живым, сыграть на рояли клавесинную пьесу, сохранив ее оригинальную прелесть [10, с. 325]⁴.

Наблюдение о том, что поэт умеет подобрать «новый живой и гибкий материал» и сделать «живой для своего времени» давно существующую «форму»⁵, Волькенау переносит в рецензию на сборник Кузмина «Новый Гуль», написанную буквально в течение месяца после его выхода в свет⁶. Здесь она противопоставляет собранные в этой «маленькой книжке» произведения «темным стихам» Кузмина,

⁴ См. дневниковую запись Л. Горнунга от 16 марта 1924 г.: «На Балчуг зашел Максим <Кенигсберг>. Вместе читали письма, полученные от Нины из Твери, и рецензии ее» [3, с. 94].

⁵ См. наше замечание, что Волькенау включает в рецензию «инверсию традиционной литературоведческой метафоры: не материал облачается в форму, а форма в материал — явное влияние столь оспариваемых “Гермесом” формалистов» [10, с. 325].

⁶ См. запись А. Кроленко, руководителя издательства «Academia», в дневнике 23 мая 1924 г.: «Кузмин получает пробный экземпляр своего сборника “Новый Гуль”. Митрохин — смотрит пробный экземпляр “Нового Гуля” и приходит в большое огорчение от искажения его обложки. В ней перепутана черная и красная краски, и обложка, действительно, имеет странный вид» [6, с. 765]. 5 июля М. Кузмин писал В. Руслову в Москву: «“Нов<ого> Гуля” не слал, потому что именных *печатных* экземпляров (т. е. с напечатанной фамилией владельца) еще не сделали, и сделают экземпляров пять, а экземпляры *quasi* именные с надписанной фамилией рукою издателя, или его служащего, или моею, не представляют особого интереса. Такой я могу выслать хотя бы во вторник. Обложка испорчена, т. к. перепутали клише и черное напечатали сепией, а сепию черным, так что Гуль, вообще непохожий, получился с бакенбардами. Сам Гуль жив, здоров, из университета не вычищен и скоро отбудет в Москву. <...> От Москвы у меня остались воспоминания *plutôt* приятные. “Абракасас” запретили за литературную непонятность и крайности. Хлопочем. Наверное, зря» [28, с. 191].

которые заставили его читателей и почитателей «опасаться, что он решительно вступает на путь душевного, магического мистицизма»⁷.

Сходное противопоставление Волькену сделала и в докладе «Лирика Михаила Кузмина», отметив, что этот сборник оказался неожиданным исключением в творческой эволюции поэта⁸: «“Новый Гуль” — маленькая книжечка любовных стихов 1924 г. написана неожиданно в старой манере. Но следующие — рукописные — стихи (до конца 1924 года) дают основание полагать, что в дальнейшем творчество Кузмина пойдет скорее по пути несколько темного и расплывчатого эмоционализма “Парабол”» [15, с. 369]⁹.

В «Новом Гуле» Волькену увидела «лучшие грани знакомого и любимого творчества», отметила «признаки подлинного для нас Кузмина» и призвала воспринимать каждое из стихотворений сборника в «его непосредственной, почти всегда целостной поэтической значимости». «При наличии таковой, — написала она в заключении, — эта прозреваемая за стихами ткань только обостряет новым, волнующим элементом эстетическое впечатление от стихов Кузмина — живое, светлое и пленительное»¹⁰.

Как уже было отмечено, в трех «изданных» выпусках «Гермеса» появились только две специальные работы, посвященные поэту — рецензии Максима Кенигсберга на книгу «Лесок» в № 1 (стр. 123–125) и на три выпуска альманаха «Абракасас» в № 3 (стр. 417–420), напечатанные им за подписью Шнюспельпольд, позаимствованной у Э.Т.А. Гофмана и обыгрывающей своим ритмическим рисунком фамилию автора¹¹. Отзыв Волькену из четвертого, «неиз-

⁷ См. оговорку в воспоминаниях Б. Горнунга: «Нас (в “Гермесе”) этот поворот в поэтическом мировоззрении Кузмина очень огорчил <...>. Но наше огорчение скоро прошло, когда в последующих двух сборниках (“Новый Гуль” и “Форель разбивает лед”) мы узнали *прежнего* Кузмина (ср. рецензию Н.В. Волькену в № 4 “Гермеса”)» [13, с. 178–179].

⁸ Ср. в ее тезисах «О лирике М. Кузмина»: «“Новый Гуль”. Дальше?» [10, с. 334].

⁹ Отвечая в прениях по докладу, Волькену представила дополнительные соображения относительно его творческой эволюции:

По поводу замечания о недостаточной связи теоретических высказываний Кузмина с его поэтической практикой приходится сказать, что теоретические высказывания подчеркивают это единство многообразных его устремлений. Докладчицей хронологически подчеркивались и даты теоретических высказываний, и даты стихов, хотя это методологически неправильно:

1. «О прекрасной ясности» — «Сети» — «Новый Гуль»

2. «Декларация эмоционализма» — «Параболы»

Невнятность «Парабол» является доведением мистической стихии до абсурда, до своеобразно искаженных внешних средств выражения [15, с. 372].

¹⁰ Гермес. 1924. № 4. С. 239–241.

¹¹ См.: [10, с. 329]; здесь же републикованы обе рецензии Кенигсберга под этим псевдонимом [10, с. 330–332]. «Ириной Шнюспельпольд, отставной

данного», номера дополняет ряд материалов «Гермеса», посвященных Кузмину¹².

М. Кузмин. «Новый Гуль».

Издательство «Academia». Лнгр. 1924. стр. 31.

Темные стихи в «Абраксасе» были последними, дошедшими до Москвы, стихами Кузмина, и давали повод опасаться, что он решительно вступает на путь душного, магического мистицизма, элементы которого уже очень давно встречались в его творчестве, как в эротических, так и в религиозных стихах. Маленькая книжка «Нового Гуля» разбивает эти опасения, показывая в полном блеске многие лучшие грани знакомого и любимого творчества.

Кузмин, как никто из наших современников, владеет тайной так называемой «музыкальности» стиха, не достигаемой никакой технически-умелой расстановкой гласных и согласных, и вызывающей неотразимое по своей непосредственности, почти физиологическое наслаждение. Словесно-звуковая грациозность, заостренная мастерством всегда остроумной рифмы, и ритма, и строфической изобретательностью, отчетливо и светло выражающие <sic!> изящную и проникновенную нежность и своеобразную мудрость, — почти всегда любовно-окрашенную, — стройно сплетенную из пестрого опыта многих культур — все эти признаки подлинного для нас Кузмина чисто звучат в маленькой повести о любимом, похожем на кинематографического героя. Еще две характерные черты его творчества — соединение стихов в цикл, имеющий повествовательных характер, и своевольная капризность, запутанность фабулы и деталей, напоминающая мельканье кинематографической фильмы. Эта повествовательность обличает беллетриста, и именно такого, каким мы знаем Кузмина — насыщенного сюжетами, бросающего пригоршни пестрых, неоправленных блесков. Она совсем иного рода,

канцелярский заседатель из Бранденбурга» («Irenäus Schnüfpelpold vormals Kanzleiassistent zu Brandenburg») — персонаж написанного Гофманом в 1821 г. квази-автобиографического рассказа «Тайны» («Die Geheimnisse»).

¹² В отличие от других авторов «Гермеса», Волькену избегала «шпетовской орфографии» (см. наше пояснение об орфографии «Гермеса»: [10, с. 323]). Она писала «йотированные» суффиксы с «-и» вместо принятого в «Гермесе» написания с «-ь» и сохраняла двойные согласные в заимствованных словах, например, вторая «л» в слове «беллетрист» вписана в рецензии от руки. Дочь Г. Шпета Марина Шторх вспоминала: «Кстати, фамилия их тогда писалась как Шпетт. Это потом папа, который не выносил двойных согласных в русском языке, и даже те слова, которые положено было писать с двумя, писал с одним: Дикенс, Шилер, колега, вана, а когда корректоры правила, то злился и требовал устранить “замеченные опечатки” — одну букву “т” из фамилии убрал. Так он стал Шпетом» [30, с. 60]. См. также: [7, с. 467–468].

чем то, что называют «повествовательностью» у ранней Ахматовой. У ней — не повесть, а новелла, четкая, непродолжаемая, вся данная в данном стихотворении; Кузмин же сам говорит:

«Но в легком беге повести моей
Нет стройности намека...»

Читатель может строить предположения, если он хочет — но может, забыв об этом биографическом или сфантазированном заднем фоне, воспринимать стихотворенье в его непосредственной, почти всегда целостной поэтической значимости. При наличии таковой эта прозреваемая за стихами ткань только обостряет новым, волнующим элементом эстетическое впечатление от стихов Кузмина — живое, светлое и пленительное.

Нина Волькенау.

3. Максим Кенигсберг об «искусстве прозы и новеллы»

Помимо собственно рецензий, «посвященных специально или преимущественно М. Кузмину» [10, с. 322], мы также привели в нашей работе подробный свод упоминаний его творчества на страницах «Гермес». Например, фрагмент из отзыва М. Кенигсберга на сборник рассказов Н. Гумилева «Тень от пальмы», где имя Кузмина называется в достаточно красноречивом контексте:

За последние годы у нас постоянно мо<ж>но было слышать жалобы на упадок прозы, но под этим, скорее всего, разумели падение искусства романа. Про новеллу как->то забыли. Причиной тому, быть может, было <то>, что после сверкающего таланта Чехова серой русской беллетристике, ставшей под его знамя, оставалось только перепевать и вульгаризировать его темы и мотивы. Рассказами были полны альманахи, сборники, толстые журналы, и этого казалось достаточно для спокойствия нашей критики. Она не привыкла серьезно смотреть на рассказ: в нем трудно было излить народную скорбь, воспеть народ-богоносец, призвать Ивана-Царевича и т<ому> под<обное>. А между тем меровингская глубина падения была ужасающей. В этой тьме работали над обновлением отдельные звезды — самые крупные: Кузмин, Муратов, теперь, когда собранная воедино книжечка лежит перед нами, мы можем прибавить<:> Гумилев¹³.

¹³ Гермес. 1922. № 1 (июль). С. 130. Кенигсберг также упоминает Кузмина в своих статьях «Искусство и истина (в защиту и против реализма)» (№ 2. С. 124, 139) и «Заметки о рифме» (№ 3. С. 260).

Продолжая разговор о представленной в сборнике «малой прозе» Гумилева, Кенигсберг ссылается на известную статью Бориса Эйхенбаума «О прозе Кузмина», напечатанную в сентябре 1920 г. в петроградской газете «Жизнь искусства»: «Новеллы <Гумилева> итальянского и средневекового стиля я считаю явно-стилизаторскими. Это опыты, как склонен считать опытами Кузмина вещи вроде Эме-Лебефа или Джона Фирфакса Б. Эйхенбаум» (стр. 132)¹⁴. Однако в этой статье Эйхенбаум именует Кузмина «мастером стилизации»:

Проповедник «кларизма», Кузмин выступил как мастер стилизации в своих авантюрных романах: «Приключения Эме Лебефа», «Путешествие сэра Джона Фирфакса», «Подвиги великого Александра». Никакой психологии, никакого быта, никаких тенденций, никакой современности. Скользящий по жизни, быстро развертывающийся роман приключений с его традиционными мотивами — кораблекрушением, невольничеством, переодеванием и пр. <...> Русская речь, звучащая по-французски. Сюжетные схемы взяты здесь готовыми и использованы как чисто стилистическое явление. Фабула обрывается — Кузмину не важно здесь ее завершение. Он вступает в литературу как стилист и как иностранец, потому что нужно заново почувствовать русскую речь и русскую литературу [31, с. 349].

Не менее интересно упоминание Кенигсбергом среди «самых крупных» прозаиков, работающих над обновлением «новеллистического искусства», Павла Муратова (1881–1950), сборнику рассказов которого «Морали» (Берлин: Геликон, 1923) он посвятил одну из своих последних рецензий. Как и включенные в № 4 журнала отзывы Льва Горнунга на посмертную книгу стихотворений Н. Гумилева «К синей звезде» (Берлин: Петрополис, 1923) и Нины Волькенау — на сборник Пастернака «Темы и варьяции» (Берлин: Геликон, 1923), рецензия Кенигсберга была посвящена эмигрантскому изданию¹⁵.

¹⁴ Кенигсберг цитировал Эйхенбаума вопреки «гермесовской» стратегии противостояния петроградскому ОПОЯЗу и вообще «формальному методу». Ср.: «В своей — весьма резкой — антиОПОЯЗовской полемике авторы “Гермеса” всегда отмечали особую позицию В.М. Жирмунского и (с меньшим основанием) Б.М. Эйхенбаума: по всей вероятности, для москвичей важны были не только теоретические позиции, но и выбор объектов анализа; ОПОЯЗ они непосредственно связывали с футуризмом, поэтому работы В.М. Жирмунского об акменстах и Б.М. Эйхенбаума — об Ахматовой и Кузмине представлялись им отклоняющимися от основного направления формалистов» [23, с. 515].

¹⁵ В № 3 Кенигсберг отозвался на сборник рассказов «Обман» (Берлин: Изд. Гутнова, 1923) Виктора Мозалевского (1889–1970), который пытался эмигрировать в 1921 г., но потерпел неудачу. Мозалевский входил в редколлегию № 3 «Гермеса» и опубликовал там рассказ «Милая ёлка» и две рецензии (под

Более того, живому писателю-эмигранту — осенью 1922 г. Муратов был командирован в Германию¹⁶, но решил не возвращаться и к концу следующего года, благодаря участию профессора Этторе Ло Гатто, обосновался в Риме [11, с. 33, 38–40].

В портфеле «Гермеса» это был не единственный отзыв на книги Муратова: в № 1 была напечатана рецензия Семена Богдановского на его комедию «Кофейня»¹⁷, а в № 3 — рецензия Михаила Петровского на сборник «Магические рассказы»¹⁸. Обе книги были выпущены в 1922 г. московским книгоиздательством «Дельфин», в котором год спустя вышел сборник стихотворений «Ковш» Филиппа Вермеля, вскоре ставшего автором альманаха «Мнемозина» и соста-

псевдонимом «Маврикий Фонтанов»). В № 4 «Гермеса» напечатана его «московская сказка» «Происшествие». См. дневниковые записи Л. Горнунга от 4 января 1924 г.: «На Тихвинской вечером на заседании “Гермеса” Мозалевский читал 2 рассказа» [3, с. 70] и 11 января: «Сегодня вечером мы устроили юбилейное заседание “Гермеса” по поводу выхода в свет уже трех номеров. Купили кое-какой выпивки и пригласили сотрудников. Сначала Борис <Горнунг> и Максим <Кенигсберг> сделали соответствующие доклады, затем Мозалевский читал пьесу» [3, с. 73].

¹⁶ См. сообщение в хронике биобиблиографического журнала «Новая русская книга»: «Лав<ел> Павл<ович> Муратов приезжает в скором времени из Москвы в Германию» (Новая русская книга. 1922. № 7. С. 33). В январе 1923 г. Муратов «читал свои произведения» в берлинском «Клубе писателей» (см.: Русская литературная и научная жизнь за рубежом // Новая русская книга. 1923. № 1. С. 37), а вскоре «выехал из Берлина в Италию» (Судьба и работы русских писателей, ученых и журналистов // Новая русская книга. 1923. № 1. С. 46. Этот номер журнала вышел только во второй половине марта; ср.: Дни. 1923. № 123. 25 марта. С. 14). Вернувшись в Берлин, 25 апреля он снова выступил в «Клубе писателей» с докладом «Пространство в литературе», в прениях по которому «участвовали Ю.И. Айхенвальд, Ф.А. Степун, В.Б. Шкловский и Н.А. Бердяев» (Новая русская книга. 1923. № 5/6. С. 43), и продолжил работу «над книгой “Живописцы Барокко”» (Там же. С. 52). Однако надолго в Германии Муратов не задержался и переехал в Рим по приглашению и при содействии Э. Ло Гатто.

¹⁷ Гермес. 1922. № 1. С. 126–130. Б. Горнунг вспоминал о его участии в «содружестве Camerata» и «в очень интимном семинарии М.А. Петровского по композиции новеллы»: «Работали там еще Д.Е. Михальчи и вновь появившийся на университетском горизонте товарищ мой, <А.И.> Ромма и М.М. <Кенигсберга> по 1918 году — С.Д. Богдановский. <...> Была еще другая общая работа боевого характера — семинарий П.Н. Сакулина по методологии истории литературы. Во главе с М.М. Кенигсбергом воевали мы против самого Сакулина и его приверженцев, стоявших на социологической точке зрения в изучении искусства. Так намечался кружок 10–12 лиц, создавший два с половиной месяца спустя содружество Camerata. Все бредили <Э.Т.А.> Гофманом <...>. Из современной русской литературы на первом плане стоял Михаил Кузмин. Мои и Ромма футуристические симпатии не были каким-либо диссонансом, так как не выдвигались нами особенно вперед (Пастернака же очень любил и М.М. <Кенигсберг>) и не мешали нам обоим увлекаться Гофманом или Кузминым...» [2, с. 347–348]. Подробнее о Семене Богдановском (1896–1951) см.: [8; 9]. В «неизданном» № 4 «Гермеса» Богдановский не печатался. См. запись Л. Горнунга 29 января 1924 г.: «Занес Нине на службу календарную доску, нарисованную мной. Смотрел у нее начало № 4. Появился Богдановский» [3, с. 78].

¹⁸ Гермес. 1923. № 3. С. 391–400.

вителем сборника «Чет и нечет» (М., 1925), — двух последующих издательских антреприз круга «Гермеса».

Поскольку Кенигсберг поставил Муратова в один ряд с Кузминым, стоит напомнить, что Кузмину принадлежит отзыв на сборник Муратова «Герои и героини», вышедший в 1918 г. в том же самом книгоиздательстве «Геликон», правда, тогда еще московском. Так же, как и потом Кенигсберг, Кузмин вспоминал в связи с Муратовым Уолтера Патера¹⁹:

Необыкновенно привлекательная по внешности и по содержанию книжка производит культурное впечатление, как произведение чело- века с большим вкусом. Это ряд рассказов, объединенных довольно парадоксально идеею героизма. Самое это объединение и заглавие — единственная претенциозность, где вдруг почему-то не помог вкус. Все рассказы искусно построены, иногда нарочито анекдотически («Осада Левеллина», «Приключение Казановы<, нерассказанное им самим>»), написаны изысканно просто, имеют живописность и занят- ность, иногда очень острую («Мод Кемрон»). Автор нигде не впадает в дурной тон или вульгарность, но какая-то анемичность и отсутствие за простотой других свойств делают почти все рассказы бледноваты- ми. Впрочем, может быть, вина в этом лежит на образчике, с которого сделаны «Герои и героини», на Анри де Ренье, пленительная меланхо- лия которого так часто переходит в расслабление и малокровие. Ренье же неотступно вспоминается при чтении книги Муратова, равно как, просматривая «Образы Италии» того же автора, не отогнать мысли о Патере и Монье (особенно). Это приятное чтение, произведения культурного, начитанного человека, но не первые шаги, может быть и ошибочные, творчески одаренной натуры²⁰.

¹⁹ Ср. также в рецензии А. Бахраха в берлинской газете «Дни»: «Четыре рассказа, вошедшие в сборник “Морали” объединены лишь стилем своего художественного построения. Проводимая Муратовым линия для русской литературы весьма необычайна. Она родственна пути Уолтера Патера в Англии, близка к Анри де Ренье или Марселю Швобу во Франции. Это прием тщательной и детальнейшей реконструкции... вымышленных биографий при некоем одновременном “заигрывании” с суровой музой Истории; где на фоне объективного, строго-научного исторического пейзажа, воссоздаваемого, быть-может, путем долгих библиотечных работ, начинают жить герои, являющиеся лишь измышлениями творческого таланта автора» (*Бахрах А.* <Рец.:> *П. Муратов. Морали. Рассказы.* Изд. «Геликон». Берлин. 1923 г. (91 стр.) // *Дни.* 1923. № 190. 17 июня. С. 13).

²⁰ Жизнь искусства. 1918. № 8. 6 ноября. С. 5. В 1926 г. парижское книгоизда- тельство «Возрождение» – “La Renaissance” выпустило новое издание «Героев и героинь», куда были включены все 4 рассказа из книги «Морали»: «Нищий рыцарь» (стр. 5–20), «Тираноубийцы» (стр. 31–44), «Морали» (стр. 95–104) и «Валькирии» (стр. 131–136). О близости двух сборников рассказов Муратова писал в своем отзы- ве А. Бахрах: «...новый небольшой сборничек “Морали”, по первому рассказу книги

Помимо рецензии Волькенау на сборник «Новый Гуль», этот анализ новелл «одного из лучших наших современных прозаиков», как аттестовал его Кенигсберг — единственный из материалов «неизданного» номера «Гермеса», где также говорится о Кузмине.

*<Павел> Муратов. Морали. Рассказы.
«Геликон» Берлин 1923 стр. 87*

История русского стиха после очистительного огня символизма вышла на открытую дорогу, и, что бы ни грозило теперь русской поэзии, искусство стиха никогда не потеряется в культурном разброде, если сумеет только сохранить завоевания последних двух десятилетий. Иное случилось с русской художественной прозой. Символизм, бывший в очень значительной мере стилизаторской школой, не сумел указать искусству прозы никаких путей, не мог дать ему тех необходимых опор, которые были бы в состоянии поддержать странствия за созданием своего собственного стиля, вместо стилизации. В результате получилось что-то, когда уже кончился символизм, как теченье, когда русское словесное искусство приступило к созданию индивидуальных школ и стилей вместо формальной борьбы эпохи символизма, приступило к дифференциации вкусов вместо защиты прав вкуса на существование, проза осталась на распутице. Это, лучше всего,

романтически озаглавленный именем встреченного Пушкиным в Одессе и ныне забытого “корсара в отставке”, какой-то новой заключительной чертой дополняет разносторонний облик талантливого писателя и придает законченную цельность его творческой характеристике. По существу “Морали” является лишь некоторым дополнением к старому собранию “Героев и героинь”, этому циклу необыкновенных жизнеописаний и портретов ни с кем не схожих людей” (Дни. 1923. № 190. 17 июня. С. 13). Три рассказа из сборника «Герои и героини» — «Конквистадоры», «Осада Левеллина», «Мод Кемрон» — были выпущены берлинским «Геликоном» в 1922 г. в виде отдельного издания, предшествовавшего «Морали». В развернутой рецензии на «Три рассказа» А. Ветлугин также писал о связи Муратова с Уолтером Патером: «Книги Муратова единственное явление в русской литературе последнего десятилетия. Муратову доступны те вершины эстетического восприятия культуры, на которых сгорают манерность, приподнятость, гурманство и остается редкая, трудная красота. Идя вслед за Патером, Муратов в изучаемых им эпохах чувствует себя не коллекционером, не любителем бутафории и цитат (типа Мережковского), не фанатичным реконструктором, заботящимся лишь о точности воспроизведения фона; для Муратова дороже всего некая преемственность главной мысли, некая наследственность страдания, проходящие по всем эпохам христианства — от Петрония до английских миссионеров в Китае. И так как “главная мысль” — есть греза об активности и так как источник страдания есть кризис сознания (по слову Паскаля: *la maladie c’est l’état naturel d’un chrétien*), то все герои и героини Муратова даны им в разрезе противоречий борьбы за индивидуальность» (Ветлугин А. <Рец.:> П. Муратов. Три рассказа. Изд-во «Геликон». Берлин. 1922 // Новая русская книга. 1922. № 4. С. 11–12).

иллюстрируется положением самих символистов в отношении искусства прозы. Андрей Белый, пытавшийся в своих «Симфониях» найти новые пути прозаического творчества, не вышел в них за пределы лабораторных достижений; а в том, что составляло его подлинное «высокое» искусство, в своих романах вернулся к старому пути прозы, к Гоголю и Лескову, лишь освежив и обновив их несколько своими симфоническими достижениями. Михаил Кузмин, призывавший в своем манифесте «О прекрасной ясности» к обновлению прозы и давший недостижимые образцы стилизаторского искусства в своих авантюрных вещах, в своих романах продолжил пути Достоевского. Если сравнить с этим положением его пути, как стихотворца, разница получится убедительная. Лишь в самое последнее время проза его начинает как будто нащупывать какие то творчески совсем новые пути, но об этом говорить еще слишком рано. Всё говорит за то, что русская проза не может совершенно честно выйти за пределы ученичества и стилизаторства. Значит и не нужно, значит нужно также добросовестно искать путей, как добросовестны были пути искания стиховых совершенств. Уже в своей рецензии на рассказы Николая Гумилева я проводил сходные соображенья^{*/}.

Ныне мне хотелось несколько остановиться на них и развить их в связи с творчеством одного из лучших наших современных прозаиков П. Муратова. Творчество Муратова шло совсем особым путем^{**/}, и этот особый путь безусловно отразился на характере его последней книжки рассказов, названной по имени первого рассказа «Морали», в чем, сдается нам, заложена некоторая, возможность игры на омографию и возможность смещения: «Морали» также могло бы быть заглавием этому сборнику. Характер муратовской стилизации в самом существе соответствующего акта отличается от характера стилизации, напр<имер> М. Кузмина. Муратов начал о того рода словесного искусства, которым так богата Франция и который в лице англичанина Патера нашел своего высочайшего представителя, и от этого рода он и подошел к чисто художественному творчеству. От художественной филологии Муратов перешел к филологическому искусству. Не было большой разницы для полученного комплекса, но было существенно различным соотношением внутренних форм: в одном случае центр внимания углубляется к фундающим логическим формам, принимая поэтические лишь как момент украшаю-

^{*/} См. № 1 настоящего журнала, июль 1922 г.

^{**/} Этот особый характер творческого развития Муратова отмечен М.А. Петровским в его рецензии на «Магические рассказы» в № 3 настоящего журнала, сентябрь 1923 г.

щий, в другом — логические суть лишь необходимый скрепляющий фундамент, а всё внимание неизбежно сосредоточивается на формах поэтически. То же соотношение получается и в сфере предмета изложения: в одном случае внимание направлено к постижению исторической действительности, воссозданной в художественных формах, под прикрытием вымысла, в другом — вымысел является непосредственным предметом постижения, а усмотрение обосновавшей его исторической подлинности появляется лишь, как наследие усмотрения филологического акта, легшего в основание акта художественного. Эти отношения могут чрезвычайно осложняться: в качестве подлинности может выступать действительность сама по себе художественная, как напр<имер> Рудин в рассказе «Смерть Рудина» (сборник «Герои и героини»), но ими во всяком случае определяется характер художественной школы Муратова и направление его стилизаций. Теперь уже смежно говорить и спорить о том, художественны или не художественны рассказы Муратова: для всякого ясна их несомненная художественность, хотя к счастью для них — далеко, конечно, не для всех выразителей современных художественных «сознаний» они окажутся приемлемыми.

Вновь вышедшая книга заключает в себе четыре рассказа, в которых соотношение логических и поэтических форм, действительных и фиктивных предметов опять «перемешаны в несколько иной мере и чередуются в несколько иной последовательности, чем то обычно встречается». И всё же у нашего вдохновенного переводчика Патера редко его герои не бывают «теньями» «познавших» историческое бытие «сущестъ», пусть этим историческим бытием было в свою очередь бытие художественное. Первый рассказ книжки «Морали» изображает того бывшего корсара, которого пришлось Пушкину повстречать в бытность свою в Одессе и о котором кратко упомянуто в «Путешествии Евгения Онегина», в двух строчках, взятых Муратовым эпитафией. С совершенно исключительным мастерством Муратов воссоздает образ корсара, пользуясь как материалом строчками путешествия Онегина, различными, может быть, воспоминаниями о Пушкине на юге России и, наверно, любовно запечатленными Бартеневым чертами жизни великого поэта. Ресторатор Отон, оперы Россини, исполнявшиеся на сцене одесского театра, казино и проч., — всё это собрано заботливо Муратовым из пушкинских строк. Ни одна мелочь из пушкинских строк, которая могла бы помочь воссоздать образ забытого и не наделенного историею бессмертием корсара не была упущена Муратовым. И не напрасно, думается, так изумительно фрагментарен стиль рассказа: не проблема сюжета и повествования

водила рукою автора, а проблема реконструкции. История переходит в вымысел, воссоздание в создание: «история не даровала ему бессмертия, которым наделил его вспомнивший о нем в деревенской глуши поэт». Так начинается творчество, но истоки его лежат в действительном, и перед нами не портрет, и не вполне художественное создание, а «воображаемый портрет». Чисто новеллистическое искусство в этом рассказе также заглушено, как бывает оно часто заглушено и в других вещах Муратова. В данном случае в угоду искусству реконструкции, как в некоторых рассказах из первого сборника, а не во имя психологического портрета, или стилистического задания, как в некоторых рассказах второго сборника.

Следующий рассказ сборника «Нищий рыцарь» есть изумительное воссоздание средневековья, по мастерству не уступающее сказкам Жюль Верна. Новеллистическое искусство Муратова находится в этом рассказе на высокой степени совершенства, находясь в то же время на ступени классической гармонии с нормами логическими. Может быть, еще более совершенной по своей пуэтировке является следующая новелла сборника, «Тираноубийцы» с обычным проникновением Муратова воссоздающая «воображаемую» действительность итальянского ренессанса. Наконец, в последнем рассказе потрясающая римская доблесть германцев в последнюю войну нашла себе художественное воплощение в образе приват-доцента филолога, увидевшего перед смертью на поде брани лик валькирии, за которую он принял изображение ангела на стене храма. В этом моменте ложного и вместе с тем истинного отождествления и лежит изумительно искусная пуэтировка новеллы.

По повествовательному совершенству этот сборник, быть может, даже превосходит предшествующие в смысле законченности и строгости проведения новеллистического принципа.

Что же до тех общих соображений, которые высказаны в начале этой затянувшейся заметки, то несомненно, что творчество Муратова — это школа, прекрасная строгая школа, в которой складываются пути искусства прозы и новеллы, дошедшего почти до отрицания искусства в эпоху натуралистического провала. А настоящий стиль придет потом, ибо прийти он может, как это уже подчеркивалось неоднократно, после школы. Но эта школа создается не плагиатами и фольклорными заимствованиями, а подлинным перерождением тоскующего по творчеству и не видящего путей, не получившего наследства духа.

18-го Февраля <1924 года>, Москва.

Максим Кенигсберг.

II. Гумилев в журнале «Гермес»: рецензия Льва Горнунга

Памяти Жени Степанова

В работе «Из истории литературной жизни 1920-х гг.: По поводу одной рецензии» К.М. Поливанов обращал внимание, что «накануне многолетнего запрета на упоминание Николая Гумилева вне заведомо негативных контекстов, в 1925 году» в московском альманахе ««Чет и нечет: Альманах поэзии и критики» появилась рецензия Льва Горнунга (1902–1993) на посмертный сборник Н. Гумилева “К Синей Звезде”» [19]. Далее автор пояснял, по каким причинам, кроме очевидной немногочисленности откликов на эту книгу, может заслуживать внимания отзыв начинающего тогда поэта в малоизвестном альманахе, выпущенном как «авторское издание»:

Последняя рецензия интересна не только тем, что она принадлежит автору, для которого собирание материалов о Н. Гумилеве стало делом всей жизни, но и потому, что сам сборник «Чет и нечет» представляет собой единственное типографское издание московского круга поэтов и филологов, объединившихся вокруг машинописного журнала «Гермес», а затем вокруг машинописных же альманахов «Мнемозина» (1924) и «Гиперборей» (1926). В качестве эстетического направления этот круг ориентировался на по-своему понимаемый классицизм, который должен был, по их мнению, сменить предшествующую акмеистическую «эпоху» русской поэзии. И, как подчеркивается в работе, посвященной истории журнала «Гермес», именно Гумилев (причем поздний) участниками этого круга признавался образцово «классическим» поэтом [19]²¹.

Прежде чем Л. Горнунг опубликовал свою рецензию на «посмертный» сборник Гумилева в альманахе «Чет и нечет», она была напечатана в соответствующем разделе «неизданного» № 4 «Гермеса», сразу же следом за отзывом Максима Кенигсберга на «Посмертные стихи»

²¹ Автор имеет в виду следующее наблюдение: «Термин “классицизм”, действительно, является основным в формулировках литературных установок “Гермеса” <...>. “Классицизм” — в сущности будущая поэзия, по отношению к которой уже существующая поэзия акмеизма (и его предтечи — Анненский и Кузмин) представляет собою только первый подготовительный этап. Пожалуй, полностью “классическим поэтом” большинство авторов журнала признавало только Гумилева (причем позднего)» [5, с. 200]. Сам термин «классицизм» по отношению к одной из форм постсимволизма встречается и у В. Жирмунского, и у К. Мочульского.

Иннокентия Анненского, повышенное внимание к которому можно объяснить наметившимся поздней осенью 1923 г. альянсом «Гермеса» с «Кифарой», московским объединением имени Иннокентия Анненского²². «Сегодня годовщина Анненского, — записал Горнунг в дневнике 12 декабря 1923 г. — 15 лет со дня смерти. Собрались» [3, с. 63]. 21 декабря он сделал запись о заседании «Кифары», на котором читался перевод, так же появившийся в «Гермесе»: «Сегодня в кружке Дементьев читал перевод “Carmina Priarea”» [3, с. 66].

26 декабря Горнунг в гостях впервые услышал о берлинском издании стихотворений Гумилева: «У <Софьи> Федорченко страшно уютно. В подвале убрано коврами, по стенам фарфор и старинные рисунки. <...> Тут впервые услышал мнение о “Синей звезде” — оказывается, <Филипп> Вермель читал ее и обещал мне достать, после моей просьбы» [3, с. 68]. Действительно, сборник скоро оказался у Горнунга: «Перепечатывал “К синей звезде”, — отметил он 4 февраля. — Вермель на день передал мне ее через <Александра> Ромма» [3, с. 80]²³. Он сохранил интерес к Гумилеву, вопреки ожиданиям своего брата, который делал оговорку, рассказывая Михаилу Кузмину в письме 3–5 сентября 1924 г. о планах альманаха «Мнемозина»:

Не случайно у меня после моего акмеизма 1921–22 годов, те невнятные стихи, которые я читал Вам прошлой осенью, и теперь после них устремления, которые привели меня к «Мнемозине», где я объединился с еще недавно далекими мне лицами. <...>

Вскоре после Вашего отъезда из Москвы эту весною мои давно подготовлявшиеся разногласия с «Гермесом» привели меня к выходу из его состава. <...> Я думал, что наши отношения с «Гермесом», который, как мне казалось, должен был попрежнему существовать и без меня, будут носить характер дружески-полемический. Но 30 июня скоропостижно скончался председатель редакции «Гермеса» М.М. Кенигсберг. Издание заканчивает свое существование, собираясь после 4-го номера выпустить только сборник статей памяти М. М. <...> Это положение, вызванное печальным обстоятельством смерти Максима Максимовича, позволило примкнуть к «Мнемозине» и части гермесовцев. Так близкими нашими сотрудниками становятся Н.В. Волькенау, которую Вы наверно помните, и даже

²² О кружке «Кифара» см.: [26, с. 342–343; 27, с. 150–152].

²³ См. также записи 9 февраля: «Сегодня печатал стихи Георгия Маслова для Венедиктова и продолжил “К синей звезде”» [3, с. 82], — и 20 февраля, когда Горнунг подготовил перепечатанные копии сборника: «<Николай> Бернер, уходя, взял тоже экземпляр “К синей звезде”» [3, с. 84].

мой брат, начинающий отходить от своего исключительного пиэкета к покойному Н.С. Гумилеву [5, с. 209]²⁴.

В отличие от Нины Волькенау, которая, как мы прежде отметили, придерживалась довольно строгой позиции по отношению к Гумилеву («бывший и как теоретик, и как поэт главным мэтром для ядра редакции “Гермеса”» [5, с. 200]²⁵, он ни разу не упомянут ни в одной из ее работ), Горнунг сохранил «свой исключительный пиэкет к поэту» и после публикации своей рецензии о сборнике «К Синей Звезде», которая приводится здесь по № 4 журнала.

Н. Гумилев. «К синей звезде». Неизданные стихи 1918 г. «Петрополис». Берлин, 1923 г. стр. 74 + 4 нен<умерованных>.

То, что книга не доработана, особенно бросается в глаза при первом, беглом ее чтении, почему главную ценность она представляет для читателя, достаточно знающего творчество Гумилева на всем его протяжении. Сильно отличается она от других <его> книг своей ярко выраженной биографичностью, совершенно не свойственной в таком чистом виде предыдущим сборникам этого автора. Оттого, что десять стихотворений этого цикла в исправленной редакции были еще в 1918 году помещены в «Костре» самим автором, эта книга близка до некоторой степени своим духовным обликом именно к этому сборнику и безмерно далека от «Огненного Столпа».

Тема почти каждого стихотворенья в разбираемой книге взята исключительно интересно и оригинально, но в сыром виде. Из размеров преобладает пятистопный хорей, ставший излюбленным размером автора в последние годы его творчества. Вспомним хотя бы такие шедевры, как «Слово», «Память», «Звездный ужас» и др.

²⁴ Ср. дневниковые записи Л. Горнунга 16 февраля: «Сегодня <Александр> Ромм сообщил мне, что в эту среду у <Петра> Зайцева (ни я, ни он не были там) читали новую поэму Гумилева, ненапечатанную, которую достали у издателя <Соломона> Абрамова. Меня это страшно заинтересовало, но поехать к Зайцеву сейчас же было некогда» [3, с. 83], — и два дня спустя: «...попался и Зайцев. Спросил о поэме, оказалось, “Два сна”, часть которой вошла в посмертную книгу» [3, с. 84].

²⁵ Л. Горнунг выделял Гумилева и в преломлении к другим поэтам, например, в дневниковой записи о чтении Б. Пастернака 12 марта 1924 г. в кружке П. Зайцева его интересует исключительно понимание им Гумилева: «Пастернак читал рассказ “Воздушные пути”. В перерыве, продолжая пренья, не помню по какому поводу, соблаговолил упомянуть о Гумилеве, говоря, что у него “деланье осуществленья мастерства”. А так, в общем, вероятно, и знает-то его слишком мало» [3, с. 92].

Ярким примером недоработанности служит стихотворенье, начинающееся строфой:

Вероятно, в жизни предыдущей
Я зарезал и отца и мать,
Если в этой — Боже присносуший! —
Так позорно осужден страдать, —

конец которого совершенно испорченный, был бы несомненно исправлен автором впоследствии. Стихотворенье же «Мой альбом, где страсть сквозит без меры» с интересной темой и безжалостным сравнением своего будущего биографа с недоумевающим ослом, к сожалению, очень затянута.

Особенно интересным по своей теме является стихотворенье «В этот мой благословенный вечер», куда введены некоторые персонажи, созданные Гумилевым на своем творческом пути, как Гондла, Луи, Мик, Муза Дальних Странствий и др., под предводительством самого автора идущие вереницей к заветному окну.

Кончается оно так:

И пошли мы, пара вслед за парой,
Словно фантастический эстамп,
Через переулки и бульвары
К тупику близ улицы Декамп.

Неужели мы Вам не приснились,
Милая с таким печальным ртом,
Мы, которые всю ночь толпились
Перед завешенным окном.

Особую пленительность представляют пьесы, написанные с одними женскими рифмами. Сюда относятся 22-е, 25-е и 28-е стихотворенья. Вот начало одного из них:

Так долго сердце боролось,
Слипались усталые веки,
Я думал, пропал мой голос,
Мой звонкий голос навеки.

и конец его:

Какой-то маятник злобный
Владеет нашей судьбою,
Он ходит, мечу подобный,
Меж радостью и тоскою.

Тот миг, что я песню своюю
Доволен — для Вас мученье...
Вам весело — я жалею
О дне моего рожденья.

28-е стихотворенье своим концом перекликается с одним из помещенных в цикле «Капитаны» и отошедшего теперь уже в другую эпоху русской поэзии²⁶.

Лучшими пьесами, может быть и случайно и субъективно, кажутся: «Много есть людей, что, полюбив», «Лишь черный бархат, на котором», «Так долго сердце боролось», и наконец следующее, которое мне хочется привести целиком:

Еще не раз Вы вспомните меня
И весь мой мир волнующий и странный,
Нелепый мир из песен и огня,
Но меж других единый необманный.

Он мог стать Вашим тоже, и не стал,
Его Вам было мало или много.
Должно быть плохо я стихи писал
И Вас несправедно просил у Бога.

Но каждый раз вы склόνитесь без сил
И скажете „я вспоминать не смею,
Ведь мир иной меня обворожил
Простой и грубой прелестью своею“.

Здесь заключена тема всей книги — тема преданной и неудовлетворенной любви.

Стихи эти первоначально были написаны в альбом и автором не предназначались для печати. В конце книги приложены примечанья, очень важные, но не избежавшие некоторых недостатков.

Лев Горнунг

²⁶ Стихотворение «Ты пожалела, ты простила, / И даже руку подала мне...»

Со времени публикации обеих версий отзыва Горнунга эта посмертно изданная книга Николая Гумилева вызывала сомнения и снискала слегка пренебрежительное отношение. Достаточно привести завиральный пассаж Ирины Одоевцевой из ее мемуарной беллетристики о том, что сам поэт этих стихов не ценил:

— Я застрял в Париже надолго и так до Салоник и не добрался. В Париже я прекрасно жил, гораздо лучше, чем прежде, встречался с художниками. С Гончаровой и Ларионовым я даже подружился. <...>

Ну и, конечно, влюбился. Без влюбленности у меня ведь никогда ничего не обходится. А тут я даже сильно влюбился. И писал ей стихи. <...>

Он подробно рассказывает о своем парижском увлечении, о всех перипетиях его и для иллюстрации читает стихи из «альбома в настоящей том», посвященные «любви несчастной Гумилева, в год четвертый мировой войны».

— Да, любовь была несчастной, — говорит он смеясь. — Об увенчавшейся победой счастливой любви много стихов не напишешь.

Он читает стихотворение за стихотворением. Он уже и раньше читал мне их. <...>

Голос его звучит торжественно и гулко в морозной, солнечной, хрупкой тишине <...> и не дочитав до конца, смотрит на меня улыбаясь <...>.

Гумилев, морщась, долго разжигает папиросу, закрывая ее рукой от ветра, потом, помолчав и уже изменившимся голосом, продолжает, глядя перед собой на покрытую снегом дорожку и на двух черных ворон, похожих на два чернильных пятна на белой странице.

— Я действительно был страшно влюблен... [18, с. 116–117].

Чрезмерно приукрашивая этот выдуманный монолог, Одоевцева преследовала цель придать вес посмертным изданиям стихотворений Гумилева, выполненным на дилетантском уровне, зато отмеченным участием ее мужа Георгия Иванова, и заодно создать флёр сомнительности вокруг сборника «К Синей Звезде». В отличие от продукции издательства «Мысль», к которой имел отношение Иванов, «Неизданные стихи 1918 года» были выпущены другим издательством под вдумчивой редакцией филолога и литературного критика Константина Мочульского (1892–1948), знавшего и ценившего Гумилева, и, к тому же, давнего знакомого семьи Елены Дю-Буше [22, с. 118].

Именно он и дал такое осмысленное название этому сборнику, что, пусть и нехотя, вынуждена была признать Одоевцева для придания ореола правдивости своему вымышленному повествованию: «Гумилев любил читать свои старые стихи, и напечатанные и те, которые он считал недостойными появиться в его книгах. Все их помнил наизусть. Так он не раз читал мне стихи, опубликованные уже в Париже <в Берлине! — А. У.> после его смерти под названием “К Синей Звезде”, которое им дал Мочульский» [18, с. 268–269].

Сам он кратко разъяснил историю этого издания в редакторских примечаниях, «недостаточных», по мнению Горнунга: «Стихотворения настоящего сборника были написаны автором в альбом во время его пребывания в Париже в 1918 г. Часть этих стихотворений в новых вариантах была напечатана в сборнике “Костер” изд. З.И. Гржебина, Берлин 1923. Настоящий сборник печатается с подлинника, хранящегося в Париже»²⁷.

Так как этот «подлинник» с мадригалами Гумилева не обнаружен до сих пор, остается открытым вопрос, все ли записанные в альбом стихотворения вошли в подготовленную Мочульским книгу? Еще осенью 1925 г. Анна Ахматова при посредничестве Павла Лукницкого, выполнявшего тогда обязанности ее литературного секретаря, обратилась между прочим с этим вопросом к Якову Бикерману (1898–1978), берлинскому коллекционеру рукописей Гумилева²⁸:

Милостивый Государь!

Анна Андреевна весной этого года находилась в санатории и больна до настоящего времени.

Ваше письмо было ей передано в конце лета. Ее болезненное состояние воспрепятствовало ей ответить Вам лично и поблагодарить Вас за присланный Вами отрывок стихотворения. Анна Андреевна поручила мне (я, под ее руководством, занимаюсь биографической работой) передать Вам ее благодарность и сообщить Вам неразобранные Вами строки.

Находящийся в Вашем распоряжении отрывок — часть ненапечатанной главы, затерянной при жизни поэта, поэмы «Два Сна». 3^{ья} глава этой поэмы была напечатана во 2^м издании посм<ертного> сборника стихотворений (Петроград. «Мысль». 1923). Полный текст

²⁷ Гумилев Н. «К синей звезде». Неизданные стихи 1918 г. Берлин: Петрополис, 1923. С. 71.

²⁸ См. исходную публикацию материалов коллекции Я. Бикермана в: [21].

другой, ненапечатанной главы имеется у меня. В него входят и сообщаемые Вами строфы, но в более поздней редакции. <...>

Анна Андреевна просит Вас не отказать в любезности сообщить ей, не известно ли Вам, кому принадлежит альбом стихотворений, изданный Petropolis'ом, под названием «К Синей Звезде», и все ли стихотворения, имеющиеся в альбоме, включены в это издание?

Анна Андреевна решается обременить Вас также просьбой, сообщить ей заглавия или 1^е строчки всех, имеющихся в папке квартирохозяина стихотворных набросков.

Не откажите также сообщить адрес З.И. Гржебина, если он небезызвестен Вам.

Анна Андреевна просит Вас принять уверения в ее совершенном уважении к Вам, и почтить вниманием ее исключительный интерес к осуществляемой Вами литературной работе.

Сообщаю Вам ее адрес:

Ленинград. Ул. Халтурина д. 5 кв. 12.

Искренне уважающий Вас

П. Лукницкий.

20. X. 25²⁹.

Сохранился черновик письма Бикермана, в котором, отвечая на вопросы Ахматовой, он, тем не менее, воздержался от подробного перечисления рукописей Гумилева, приобретенных им у адвоката Александра Цитрона, бывшего парижского квартирохозяина поэта (см.: [32, с. 299–302]):

Мил<ая Анна Андреевна>.

Премного благодарен за сведения о «Двух снах», о которых я [знать не мог] не знал, т. к. до меня дошло только первое издание вычитываемых <?> мною стихотворений. Любезно присланные по Вашему поручению варианты помогли мне разобрать находящуюся

²⁹ [24, с. 195]; см. здесь: «Письмо только 28 ноября 1925 г. было отослано из Ленинграда по адресу: <Германия. Берлин.> Charlottenburg Sybelstrasse, 40. H<errn> Jacob Bickerman» (ср.: Amherst Center for Russian Culture, Jacob J. Bickerman Collection on Nikolai Gumilev, 1917–1931. Box 1, folder 3). Как следует из дневников Л. Горнунга, «ненапечатанная глава» из поэмы «Два сна» была получена им от П. Зайцева, в свою очередь получившего ее от С. Абрамова, владельца московского издательства «Творчество». «Зашел и взял у Зайцева “Два сна”, чтобы списать, — отметил Горнунг 19 февраля 1924 г. — Оказалось, неизданный отрывок. Ведь эта поэма растеряна еще при жизни автора» [3, с. 84]. См.: «Зайцев жил в доме № 5 по Старокошюшенному переулку в подвальном этаже, где у него в квартире была довольно большая комната, в которой стал собираться наш поэтический кружок, названный “Зайцевским” по имени хозяина» [29, с. 32].

[у меня] тут рукопись. Должен я, смею я обнародовать [находящийся тут] отрывок или Вам угодно печатать всю главу целиком и самой выбрать для того место и время?

Прочие отрывки, поскольку их удалось [разобрать] прочесть, приложены на отдельном листке.

Владельцы [стихотворений] [рукописей] альбома, [напечатанных] напечатанного Petropolis'ом [в <сборнике>] сборника под [назван<ием>] заглавие<м> <<К Синей> Зв<езде>>, предоставили эти рукописи издательству под условием, что они останутся неназванными. Мне известно только, что они [находятся] проживают сейчас в Париже. По заверениям Я.Н. Блоха, руководителя Petropolis'a, альбом использован полностью.

Место жительства З.И. Гржебина (Grjebine): Paris XVIe, rue Murat, 11.

Много женщин в этом мире
И мужчин³⁰.

Это стихотворение Гумилева «из черновой тетради», на зачине которого обрывается его письмо к Ахматовой, Бикерман опубликовал вместе с фрагментом из поэмы «Два сна» 26 августа 1926 г. к пятилетию расстрела поэта в парижской газете «Возрождение»³¹. На первой полосе этого выпуска в качестве передовой статьи был дан очерк Петра Струве «Память о Н.С. Гумилеве», закреплявший отношение русской эмиграции к поэту:

Завтра день, когда от рук врагов России и ее национального призвания погиб великий патриот и большой поэт Н.С. Гумилев. Его, как «контр-революционера», расстреляли большевики. В этом событии, в боевом подвиге активного борца против большевизма и коммунизма есть нечто, духовно бодрящее и пророчески з<о>вущее. Мы не хотим и не должны лицемерить. Гумилев дорог нам и как крупное поэтическое дарование, и как человек, который в эпоху, когда столько людей погнулось и согнулось, выпрямился во весь рост и бросил вызов торжествовавшему хамскому злу.

В этом его слава, как человека русского, и наше утешение и ободрение.

³⁰ Amherst Center for Russian Culture, Jacob J. Bikerman Collection on Nikolai Gumilev, 1917–1931. Box 1, folder 4.

³¹ Два неизданных отрывка Н.С. Гумилева // Возрождение (Париж). 1926. 26 августа. № 450. С. 3.

В Гумилеве, как поэте, не всё устоялось и дошло до полной ясной красоты. Но в его творчестве есть большая, подчас смутная и жуткая, красота и есть та личная сила, которая так ярко сказалась в его славном жизненном конце. <...>

Да будет память о честном поэте-муже Н. С. Гумилеве священным призывом и очистительным напоминанием³².

Бикерман также фигурировал в переписке Лукницкого с Л. Горнунгом. «Вслед за этой открыткой пошлю Вам заметку о Н.С. <Гумилеве> для Усова, — писал Лукницкий 8 апреля 1926 г. — Посылаю ее Вам, чтобы Вы могли снять копию для себя, и попрошу Вас передать подлинник ее по назначению. Бикерману вчерне письмо уже набросали, скоро напишем. Принялся за “Труды и дни” опять. Работы колоссально много...» [17, с. 538]³³. В свою очередь Л. Горнунг в письме к Лукницкому 2 июня 1926 г. напоминал о настоятельной необходимости обращения к берлинскому коллекционеру: «Скажите, писали ли Вы Бикерману в Париж и нет ли от него каких-нибудь новостей?» [17, с. 544].

Лукницкий также оставил пометку о Бикермане в упоминавшихся «Трудах и днях» Гумилева: «**1918**. <...> Уезжает из Парижа в Лондон. В Париже оставляет у квартирохозяина <А. Цитрона. — А. У.> часть своих вещей и папку бумаг. Оставляет также (у комиссара Временного правительства — Раппа (?)) — часть коллекций по искусству Востока). (А.А. Ахматова, <...> <Я.И.> Бикерман)» [12, с. 514].

Как отмечали комментаторы «Собрания сочинений» Гумилева, «у молодых русских читателей <19>20–30 гг. эти стихи пользовались несомненным успехом. Сохранились свидетельства того, что стихи КСЗ <из сборника “К Синей Звезде”. — А.У.> становились своеобразным любовным “кодом” <...> (см.: Горелик Г.Е., Френкель В.Я. Матвей Петрович Бронштейн...)» [4, с. 291]³⁴. В качестве другого свидетельства была приведена альтернатив-

³² Струве П. Память о Н.С. Гумилеве. К пятилетию его смерти // Возрождение (Париж). 1926. 26 августа. № 450. С. 1. См. также перепечатку этого очерка: [25, с. 554–556]. В этой книге автор обратил внимание на немедленную реакцию Г. Адамовича в газете «Звено» и его последующие выпады против «горячего поклонника» поэта П. Струве. Адамович проводил ту же линию «истинных» последователей Гумилева и «Цеха поэтов» в эмиграции и «подлинных» ценителей его творчества, как Г. Иванов, Н. Оцуп, а позднее и И. Одоевцева.

³³ В публикацию включено 43 письма из сохранившихся 118.

³⁴ Имеется в виду фрагмент воспоминаний Евгении Каннегисер (Genia Peierls; 1908–1986) о Матвее Бронштейне, написанных по просьбе авторов книги весной 1984 г.:

ная концовка рецензии Л. Горнунга в ее типографской версии: «Здесь, думается нам, заключена тема всей этой книги, грустной и задумчивой, как и “Костер”, от которого разгорелось и померкло испугательное пламя “Огненного столпа”»³⁵.

Я познакомилась с ним ранней весной, по-моему, 1927 года. Стояли лужи, чирикали воробьи, дул теплый ветер, и я, выходя из лаборатории где-то на Васильевском острове, повернулась к маленькому ростом юноше, в больших очках, с очень темными, очень аккуратно постриженными волосами, в теплой куртке, распахнутой, так как был неожиданно очень теплый день, и сказала: «Свежим ветром снова сердце пьяно». После чего он немедленно продекламировал всё вступление к этой поэме Гумилева. Я радостно взвизнула, и мы тут же по дороге в Университет стали читать друг другу наши любимые стихи. И, к моему восхищению, Матвей Петрович прочитал мне почти всю «Синюю звезду» Гумилева, о которой я только слышала, но никогда ее не читала.

Придя в Университет, я бросилась к Димусу <Дмитрию Иваненко. — А. У.> и Джонни <Георгию Гамову, он же George Gamow. — А. У.> — в восторге, что я только что нашла такого замечательного человека. Все стихи знает и даже «Синюю звезду»!

Вот как Матвей Петрович вошел в круг Джаз-банда [1, с. 26–27].

Е. Каннегисер была автором гимна физикам-теоретикам *Джаз-банда*, написанного «по мотивам “Капитанов” Гумилева»:

Вы все, паладины Зеленого Храма,
по волнам де Бройля держащие путь,
барон Фредерикс и Георгий де Гамов,
эфирному ветру открывшие грудь,

Не всех Гейзенберга пленяют наркозы,
и Борна сомнителен очень успех,
но Паули принцип, статистика Бозе
в руках, в головах и в работах у всех.

Ландау, Иваненко, крикливые братья,
Крутков, Ка-Тэ-Эфа ленивый патрон,
и ты, предводитель рентгеновской рати,
ты, Френкель, пустивший плясать электрон,

Но пусть расплзлись волновые пакеты,
еще на природе густая чадра,
опять не известна теория света,
еще не открыты законы ядра.

блистательный Фок, Бурсиан, Финкельштейн
и жидкие толпы студентов-юнцов,
вас всех за собою увлек А. Эйнштейн,
освистаны вами заветы отцов.

И в Цайтшрифте ваши читая работы,
где темным становится ясный вопрос,
как сладостно думать, что яростный Боте
для ваших теорий готовит разнос.

[1, с. 27–28]

³⁵ Чет и нечет. Альманах поэзии и критики. М., 1925. С. 40.

Список литературы

1. Горелик Г., Френкель В. Матвей Петрович Бронштейн. 1906–1938. М.: Наука, 1990. 272 с.
2. Горнунг Б. Поход времени: в 2 кн. М.: РГГУ, 2001. Кн. 2: Статьи и эссе / сост. М. Воробьева. 508 с.
3. Горнунг Л. «Свидетель терпеливый...»: Дневники, мемуары / сост. Т. Нешумовой. М.: Изд-во «Редакция Елены Шубиной», 2019. 768 с.
4. Гумилев Н. Полн. собр. соч.: в 10 т. М.: Воскресенье, 1999. Т. 3: Стихотворения. Поэмы (1914–1918) / отв. ред. Ю. Зобнин. 275 с.
5. К истории машинописных изданий 1920-х годов / публ. Г. Левинтона и А. Устинова // Пятые Тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига: Зинатне, 1990. С. 197–210.
6. Кузмин М. Стихотворения / под ред. Н. Богомолова. СПб.: Академический проект, 1996. 844 с. (Новая библиотека поэта)
7. Левинтон Г. Густав Шпет и журнал «Гермес» // Густав Шпет и его философское наследие: у истоков семиотики и структурализма. М.: РОССПЭН, 2010. С. 467–485.
8. Левинтон Г. К истории дописывания Пушкина: «Через неделю буду в Париже» (С.Д. Богдановский. Опыт окончания драматического отрывка А. Пушкина) // Russian Literature and the West: A Tribute for David M. Bethea / ed. by A. Dolinin, L. Fleishman, L. Livak. Stanford, 2008. Part I. P. 319–335. (Stanford Slavic Studies. Vol. 35)
9. Левинтон Г. О московских букинистах 1910-х годов (очерк С.Д. Богдановского из журнала «Гермес») // Архив петербургской русистики. К 60-летию Павла Анатольевича Клубкова. URL: <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/klubkov60/levinton.html> (дата обращения 15.04.2020).
10. Левинтон Г., Устинов А. Материалы о Кузмине в журнале «Гермес» // Материалы конференции, посвященной 110-летию со дня рождения академика В.М. Жирмунского / отв. ред. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2001. С. 322–334.
11. Ло Гатто Э. Мои встречи с Россией / под ред. А. Ло Гатто Мавер. М.: Кругъ, 1992. 157 с.
12. Лукницкий П. Труды и дни Н.С. Гумилева / общ. ред. Ю. Зобнина. СПб.: Наука, 2010. 890 с.
13. Мемуарные заметки Б.В. Горнунга: Б. Горнунг. Из воспоминаний о Мих. Ал. Кузмине / публ. М. Чудаковой и А. Устинова // Пятые Тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения / ред. Е. Тоддес. Рига: Зинатне, 1990. С. 172–185.
14. Михаил Кузмин. «Высоко окошко над любовью и тлением...». Подборка стихотворений (1907–1927) из архива и прижизненных изданий 1908–1929 гг. / вступ. ст. и публ. Н. Богомолова // Наше наследие. 1988. № 4. С. 77–78.
15. Морев Г.А. К истории юбилея М.А. Кузмина 1925 года // Минувшее: Исторический альманах. 21. СПб.: Atheneum–Феникс, 1997. С. 351–375.
16. Московская литературная и филологическая жизнь 1920-х годов: машинописный журнал «Гермес» / М.О. Чудакова, А.Б. Устинов, Г.А. Левинтон // Пятые Тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения / ред. Е.А. Тоддес. Рига: Зинатне, 1990. С. 167–210.

17. Николай Гумилев. Исследования и материалы. Библиография / сост. М. Эльзон, Н. Грознова. СПб.: Наука, 1994. 680 с.
18. *Одоевцева И.* На берегах Невы: Литературные мемуары. М.: АСТ, 1988. 420 с.
19. *Поливанов К.* Из истории литературной жизни 1920-х гг.: По поводу одной рецензии // Н. Гумилев и русский Парнас. Материалы научной конференции 17–19 сентября 1991 г. / сост. И. Кравцовой, М. Эльзона. СПб., 1992. URL: <https://gumilev.ru/about/32/> (дата обращения 01.02.2020).
20. *Поливанов К.* Машинописные альманахи «Гиперборей» и «Мнемозина». Указатель содержания // De visu. 1993. № 6. С. 46–49.
21. *Степанов Е., Устинов А.* Николай Гумилев во Франции: Новые материалы // *New Studies in Modern Russian Literature and Culture: Essays in Honor of Stanley J. Rabinowitz* / ed. by C. Ciepiela and L. Fleishman. Stanford, 2014. Part I. P. 208–244. (Stanford Slavic Studies. Vol. 45)
22. *Степанов Е., Устинов А.* Николай Гумилев. Встречи в Париже в 1917–1918 годах (По материалам архивов Михаила Ларионова и Глеба Струве) // *Наше Наследие*. 2011. № 100. С. 104–127.
23. *Степанова Л., Левинтон Г.* Из истории дантоведения: статья Д.С. Усова о переводе «Новой жизни» в «Гермесе» // Тын्यानковский сборник. Вып. 10: Шестые — Седьмые — Восьмые Тын्यानковские чтения / ред. Е. Тоддес. М., 1998. С. 514–547.
24. *Тименчик Р.* Два письма Анны Ахматовой // *New Studies in Modern Russian Literature and Culture: Essays in Honor of Stanley J. Rabinowitz* / ed. by C. Ciepiela and L. Fleishman. Stanford, 2014. Part I. P. 191–207. (Stanford Slavic Studies. Vol. 45)
25. *Тименчик Р.* История культа Гумилева. М.: Мосты культуры, 2018. 640 с.
26. *Тименчик Р.* Культ Иннокентия Анненского на рубеже 1920-х годов // *Readings in Russian Modernism. To Honor Vladimir Fedorovich Markov* / ed. by R. Vroon, J.E. Malmstad. М.: Наука, 1993. С. 338–348. (UCLA Slavic Studies. New Series. Vol. I)
27. *Тименчик Р.* Подземные классики: Иннокентий Анненский. Николай Гумилев. М.; Иерусалим: Мосты культуры–Гешарим, 2017. 776 с.
28. *Тимофеев А.* Прогулка без Гуля? (К истории организации авторского вечера М.А. Кузмина в мае 1924 г.) // Михаил Кузмин и русская культура XX века / сост. и ред. Г. Морев. Л.: Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, 1990. С. 178–196.
29. *Устинов А.* Две жизни Николая Бернера // *Лица: Биографический альманах*. СПб.: Феникс, 2002. Т. 9 / ред.-сост. М. Павлова и А. Лавров. С. 5–64.
30. *Шторх М.Г.* Дочь философа Шпета в фильме Елены Якович: полная версия воспоминаний Марины Густавовны Шторх. М.: АСТ–Corpus, 2014. 218 с.
31. *Эйхенбаум Б.* О литературе. Работы разных лет / сост. О. Эйхенбаум, Е. Тоддес; комм. Е. Тоддес, М. Чудакова, А. Чудаков. М.: Сов. писатель, 1987. 540 с.
32. *Ustinov A.* Two Episodes from the Biography of Nikolai Gumilev // *A Sense of Place: Tsarskoe Selo and its Poets. Papers from the 1989 Dartmouth Conference Dedicated to the Centennial of Anna Akhmatova* / ed. by L. Loseff and B. Scherr. Columbus, Ohio, 1993. P. 299–302.

Статья поступила в редакцию: 04.05.2020

Одобрена после рецензирования: 18.07.2020

Дата публикации: 25.09.2020

Research Article

Addenda ad volumen: From the Unpublished Issue of the Magazine *Hermes*

© 2020. Andrei Ustinov

The “Aquilon” Books & Publishing,
San Francisco, USA

Abstract: Scholarly and literary magazine *Hermes* was issued in Moscow by a group of young philologists and poets in 1922–1923. Its editors were B.V. Gornung and M.M. Kenigsberg. The magazine was well-known in literary circles of Moscow and Petrograd. It consisted of several sections dedicated to poetry, prose, scholarly essays, reviews and chronicle and was issued in twelve typewritten copies; there appeared three full issues. The magazine ceased to exist in 1924; its 4th and last issue had only one section devoted to fiction. *Hermes* has been studied thoroughly, many materials from the magazine have been republished. The paper contains supplements and commentaries that have to deal with the reception of N. Gumilev’s and M. Kuzmin’s works in the magazine (publication of M. Kuzmin’s poems, N. Wolkenau’s review of M. Kuzmin’s collection of poetry, M. Kenigsberg’s review of P. Muratov’s book of short stories, L. Gornung’s review of N. Gumilev’s post mortem poetic collection *To the Blue Star*).

Keywords: Journal *Hermes*, Moscow linguistic circle, history of literary criticism and periodical press, M. Kuzmin, N. Gumilev.

Information about the author: Andrei Ustinov, Dr. Phil. Hab., Director of “Aquilon” Books & Publishing, San Francisco, USA. E-mail: abooks@gmail.com

For citation: Ustinov, A. “Addenda ad volumen: From the Unpublished Issue of the Magazine *Hermes*.” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (17), 2020, pp. 203–236. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-203-236>

References

1. Gorelik, G., Frenkel', V. *Matvei Petrovich Bronshtein. 1906–1938*. Moscow, Nauka Publ., 1990. 272 p. (In Russ.)
2. Gornung, B. *Pokhod vremeni: v 2 knigakh [The March of Time: in 2 books]*, book 2, comp. by M. Vorob'eva. Moscow, RGGU Publ., 2001. 508 p. (In Russ.)
3. Gornung, L. “Svidetel' terpelivyi...”: *Dnevnik, memuary [“A Patient Witness...”: Diaries, Memoirs]*, comp. by T. Neshumova. Moscow, Izdatel'stvo “Redaktsiia Eleny Shubinoi” Publ., 2019. 768 p. (In Russ.)
4. Gumilev, N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 t. [Complete Works: in 10 vols.]*, vol. 3, ex. ed. Iu. Zobnin. Moscow, Voskresen'e Publ., 1999. 275 p. (In Russ.)
5. “K istorii mashinopisnykh izdaniy 1920-kh godov” [“To the History of Typewritten Publications of the 1920s”], publ. by G. Levinton, A. Ustinov. *Piatye Tynyanovskie chteniia. Tezisy dokladov i materialy dlia obsuzhdeniia [Fifth Tynyanov Proceedings]*.

Abstracts of Reports and Discussion Materials]. Riga, Zinatne Publ., 1990, pp. 197–210. (In Russ.)

6. Kuzmin, M. *Stikhotvoreniia [Poems]*, ed. by N. Bogomolov. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1996. 844 p. (In Russ.)

7. Levinton, G. “Gustav Shpet i zhurnal ‘Germes’.” [“Gustav Speth and *Hermes Magazine*”]. *Gustav Shpet i ego filosofskoe nasledie: u istokov semiotiki i strukturalizma [Gustav Shpet and His Philosophical Heritage: by the Origins of Semiotics and Structuralism]*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, pp. 467–485. (In Russ.)

8. Levinton, G. “K istorii dopisyvaniia Pushkina: ‘Cherez nedeliu budu v Parizhe’ (S.D. Bogdanovskii. Opyt okonchaniia dramaticheskogo otrывka A. Pushkina)” [“On the History of Finishing Pushkin’s Works: ‘In a Week I’ll Be in Paris’ (S.D. Bogdanovsky. An Attempt of Finishing A. Pushkin’s Dramatic Excerpt)”]. *Russian Literature and the West: A Tribute for David M. Bethea*, part I, ed. by A. Dolinin, L. Fleishman, L. Livak. Stanford, 2008, pp. 319–335. (Stanford Slavic Studies, vol. 35). (In Russ.)

9. Levinton, G. “O moskovskikh bukinistakh 1910-kh godov (ocherk S.D. Bogdanovskogo iz zhurnala ‘Germes’)” [“About Moscow Secondhand Booksellers of the 1910s (An Essay by S.D. Bogdanovsky from the ‘Hermes’ Magazine)”]. *Arkhiv peterburgskoi rusistiki. K 60-letiiu Pavla Anatol'evicha Klubkova [St. Petersburg Russian Studies Archive. To the 60th anniversary of Pavel Anatolyevich Klubkov]*. Available at: <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/klubkov60/levinton.html> (Accessed April 15, 2020). (In Russ.)

10. Levinton, G., Ustinov, A. “Materialy o Kuzmine v zhurnale ‘Germes’.” [“Materials about Kuzmin in the ‘Hermes’ Magazine”]. *Materialy konferentsii, posviashchennoi 110-letiiu so dnia rozhdeniia akademika V.M. Zhirmunskogo [Materials of the Conference Dedicated to the 110th Anniversary of the Academic V.M. Zhirmunsky]*, ex. ed. N. Kazansky. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001, pp. 322–334. (In Russ.)

11. Lo Gatto, E. *Moi vstrechi s Rossiei [My Encounters with Russia]*, ed. by A. Lo Gatto Maver. Moscow, Krug Publ., 1992. 157 p. (In Russ.)

12. Luknitskii, P. *Trudy i dni N.S. Gumileva [N.S. Gumilev’s Works and Days]*, ed. by Iu. Zobnin. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010. 890 p. (In Russ.)

13. “Memuarnye zametki B.V. Gornunga: B. Gornung. Iz vospominanii o Mikh. Al. Kuzmine” [“Memoir Notes by B.V. Gornung: B. Gornung. From Memories about Mikh. Al. Kuzmin”], publ. by M. Chudakova and A. Ustinov. *Piatye Tynianovskie chteniia. Tezisy dokladov i materialy dlia obsuzhdeniia [Fifth Tynyanov Proceedings. Abstracts of Reports and Discussion Materials]*, ed. by E. Toddes. Riga, Zinatne Publ., 1990, pp. 172–185. (In Russ.)

14. “Mikhail Kuzmin. ‘Vysoko okoshko nad liubov’iu i tleniem...’. Podboroka stikhotvoreniia (1907–1927) iz arkhiva i prizhiznennykh izdaniia 1908–1929 gg.” [“Mikhail Kuzmin. ‘High is the Window over Love and Dissolution...’. A Selection of Poems (1907–1927) from the Archive and Lifetime Editions of 1908–1929”], introd. and publ. by N. Bogomolov. *Nashe nasledie*, no. 4, 1988, pp. 77–78. (In Russ.)

15. Morev, G.A. “K istorii iubileia M.A. Kuzmina 1925 goda” [“On the History of the Anniversary of M.A. Kuzmin in 1925”]. *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh [The Past: Historical Almanac]*, issue 21. St. Petersburg, Atheneum–Feniks Publ., 1997, pp. 351–375. (In Russ.)

16. “Moskovskaia literaturnaia i filologicheskaia zhizn' 1920-kh godov: mashinopisnyi zhurnal ‘Germes’.” [“Literary and Philological Life in Moscow of the 1920s: Typewritten Magazine ‘Hermes’.”], M. Chudakova, A. Ustinov, G. Levinton. *Piatye Tynianovskie chteniia. Tezisy dokladov i materialy dlia obsuzhdeniia [Fifth Tynyanov Proceedings.*

Abstracts of Reports and Discussion Materials], ed. by E.A. Toddes. Riga, Zinatne Publ., 1990, pp. 167–210. (In Russ.)

17. Nikolai Gumilev. *Issledovaniia i materialy. Bibliografiia* [*Nikolai Gumilev. Studies and Materials. Bibliography*], comp. by M. Elzon, N. Groznova. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994. 680 p. (In Russ.)

18. Odoevtseva, I. *Na beregakh Nevyy: Literaturnye memuary* [*On the Banks of the Neva: Literary Memoirs*]. Moscow, AST Publ., 1988. 420 p. (In Russ.)

19. Polivanov, K. “Iz istorii literaturnoi zhizni 1920-kh gg.: Po povodu odnoi retsenzii” [“From the History of Literary Life of the 1920s: Concerning a Review”]. *N. Gumilev i russkii Parnas. Materialy nauchnoi konferentsii 17–19 sentiabria 1991 g.* [*N. Gumilev and Russian Parnas. Materials of the Scientific Conference, September 17–19, 1991*], comp. by I. Kravtsova, M. Elzon. St. Petersburg, 1992. Available at: <https://gumilev.ru/about/32> (Accessed 01 February 2020). (In Russ.)

20. Polivanov, K. “Mashinopisnye al'manakhi ‘Giperborei’ i ‘Mnemozina.’ Ukazatel' soderzhaniia” [“Typewritten Almanacs ‘Hyperborea’ and ‘Mnemosine.’ Content index”]. *De visu*, no. 6, 1993, pp. 46–49. (In Russ.)

21. Stepanov E., Ustinov A. “Nikolai Gumilev vo Frantsii: Novye materialy” [“Nikolai Gumilev in France: New Materials”]. *New Studies in Modern Russian Literature and Culture: Essays in Honor of Stanley J. Rabinowitz*, part I, ed. by C. Ciepiela and L. Fleishman. Stanford, 2014, pp. 208–244. (Stanford Slavic Studies, vol. 45). (In Russ.)

22. Stepanov, E., Ustinov, A. “Nikolai Gumilev. Vstrechi v Parizhe v 1917–1918 godakh (Po materialam arkhivov Mikhaïla Larionova i Gleba Struve)” [“Nikolai Gumilev. Meetings in Paris in 1917–1918 (Based on the Archives of Mikhail Larionov and Gleb Struve)”]. *Nashe Nasledie*, no. 100, 2011, pp. 104–127. (In Russ.)

23. Stepanova L., Levinton G. “Iz istorii dantovedeniia: stat'ia D.S. Usova o perevode ‘Novoi zhizni’ v ‘Germese.’” [“From the History of Dante Studies: D.S. Usov’s Paper on the Translation of ‘Vita Nuova’ in ‘Hermes.’”]. *Tynianovskii sbornik [Tynyanov Collection]*, issue 10: *Shestye — Sed'mye — Vos'mye Tynianovskie chteniia* [Sixth – Seventh – Eighth Tynyanov Proceedings], ed. E. Toddes. Moscow, 1998, pp. 514–547. (In Russ.)

24. Timenchik, R. “Dva pis'ma Anny Akhmatovoi” [“Two letters by Anna Akhmatova”]. *New Studies in Modern Russian Literature and Culture: Essays in Honor of Stanley J. Rabinowitz*, part I, ed. by C. Ciepiela and L. Fleishman. Stanford, 2014, pp. 191–207. (Stanford Slavic Studies, vol. 45). (In Russ.)

25. Timenchik, R. *Istoriia kul'ta Gumileva [The History of the Gumilev Cult]*. Moscow, Mosty kul'tury Publ., 2018. 640 p. (In Russ.)

26. Timenchik, R. “Kul't Innokentii Annenskogo na rubezhe 1920-kh godov” [“Innokentii Annensky Cult at the Turn of the 1920s”]. *Readings in Russian Modernism. To Honor Vladimir Fedorovich Markov*, ed. by R. Vroon, J.E. Malmstad. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 338–348. (UCLA Slavic Studies. New Series, vol. I). (In Russ.)

27. Timenchik, R. *Podzemnye klassiki: Innokentii Annenskii. Nikolai Gumilev [Underground Classics: Innocent Annensky. Nikolai Gumilev]*. Moscow, Jerusalem, Mosty kul'tury Publ., Gesharim Publ., 2017. 776 p. (In Russ.)

28. Timofeev, A. “Progulka bez Gulia? (K istorii organizatsii avtorskogo vechera M.A. Kuzmina v mae 1924 g.)” [“A Stroll Without Gul? (On the History of Organizing M.A. Kuzmin’s Recital in May 1924)”]. *Mikhail Kuzmin i russkaia kul'tura XX veka [Mikhail Kuzmin and the 20th Century Russian Culture]*, comp. and ed. by G. Morev. Leningrad, Muzei Anny Akhmatovoi v Fontannom Dome Publ., 1990, pp. 178–196. (In Russ.)

29. Ustinov, A. “Dve zhizni Nikolaia Bernera” [“Two Lives of Nikolai Berner”]. *Litsa: Biograficheskii al'manakh* [*Faces: Biographical Almanac*], vol. 9, ed. and comp. by M. Pavlova and A. Lavrov. St. Petersburg, Feniks Publ., 2002, pp. 5–64. (In Russ.)
30. Shtorkh, M.G. *Doch' filosofa Shpeta v fil'me Eleny Iakovich: polnaia versia vospominanii Mariny Gustavovny Shtorkh* [*The Daughter of the Philosopher Shpet in the Film by Elena Yakovich: Full Version of the Memoirs of Marina Gustavovna Storkh*]. Moscow, AST–Corpus Publ., 2014. 218 p. (In Russ.)
31. Eikhenbaum, B. *O literature. Raboty raznykh let* [*About Literature. Works of Different Years*], comp. by O. Eikhenbaum and E. Toddes, comm. by E. Toddes, M. Chudakova, A. Chudakov. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1987. 540 p. (In Russ.)
32. Ustinov, A. “Two Episodes from the Biography of Nikolai Gumilev.” *A Sense of Place: Tsarskoe Selo and its Poets. Papers from the 1989 Dartmouth Conference Dedicated to the Centennial of Anna Akhmatova*, ed. by L. Loseff and B. Scherr. Columbus, Ohio, 1993, pp. 299–302. (In English)

The article was submitted: 04.05.2020

Approved after reviewing: 18.07.2020

Date of publication: 25.09.2020